

Тинкай Кретьова

ҚАЗТАБАН

повесть и рассказы

12+

Тинкай Тынық-ай

Казтабан

«Автор»

2016

Тынық-ай Т.

Казтабан / Т. Тынық-ай — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-11035-9

«Любая намеченная цель – лишь светлый ориентир во тьме, помогающий выполнять наше главное предназначение – неустанно следовать вперёд», – говорит герой повести «Қазтабан». Читатель, перемещаясь вслед за повествованием по степи, раскинувшейся под Вечным Синим Небом, приближается к пониманию необходимости постоянного внутреннего движения. Автор – лауреат литературной премии «Алтын Тобылғы» 2016 года за повесть «Қазтабан» в номинации «Лучшее произведение, посвященное 25-летию Независимости Республики Казахстан».

ISBN 978-5-532-11035-9

© Тынық-ай Т., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Қазтабан	5
Часть 1	6
Умай	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тинкай Тынық-ай Қазтабан

Қазтабан

Повесть

Часть 1

Умай

Глава 1

Тәңір

1

Всегда любил рассветы. В тот священный момент, когда вязкая ночная мгла нехотя уступает мирозданию ликующему утреннему свету, вдруг понимаешь, что сам Всевышний прикоснулся к твоей душе. Но поистине безграничную силу восход солнца обретает в главное утро года – в день весеннего равноденствия.

Наурыз² для меня особенный праздник. И дело тут не только в сладком запахе баурсаков или любимом вкусе апашкиного коже, не в улыбках друзей или радостном жужжании переполненных улиц. Уже накануне вечером чувствуешь: все тяжести неповоротливых снежных месяцев словно тают на плечах, оползая на землю холодными отжившими пластами. За наполненную ожиданием рассвета последнюю ночь астрономической зимы от груза страхов и боли, от накопившихся усталости и раздражения останутся лишь липкие следы, которым одна судьба – быть смытыми напрочь свежим утром нового года. И если притаятся ещё в упрямом разуме обиды или нечистые мысли, то и они все вмиг сгорят в жаре первых лучей восходящего солнца, как сгорают в большом костре сухие еловые ветви.

Я смотрел на небо. Ночная темнота уравнила и неглубокие овраги, и притихшую рошу, и спящий лагерь, – они словно сплелись в единое сумрачное полотно. Долгие часы мягкие травянистые холмы выглядели хмурыми, ошетилившись острыми выступами скал, чернеющих на их хребтах. Но теперь всё стало меняться. Начали гаснуть звёзды – одна за другой. Земля всё ещё была укрыта пеленой предрассветного мрака, а небосвод уже принялся бледнеть.

Я затаил дыхание. Всю ночь в моей голове суетились мысли: чего я хочу от себя в этой жизни? Куда двигаться дальше? О чём попросить Солнце? Предчувствие правильного ответа накатывало и отпускало, но мне никак не удавалось поймать его за увёртливый хвост.

Небо побелело. Началось испытание светом – эти минуты до появления солнца покажутся дольше всех прошедших часов. Прорисовался пейзаж, оторвались друг от друга невысокие холмы, на юге забелели лёгкие облачка.

Прошуршал по траве и забрался под одежду проснувшийся ветерок. Очень медленно, с осторожностью, небо начало голубеть, попутно окрашивая мир в его естественные цвета: трепетную зелень проклюнувшихся трав, вековой загар исписанных петроглифами скал, ореховую сырость овражков.

Гораздо проще встречать рассвет в горах, когда розовеющие снега вершин, которые видят восход первыми, подсказывают приближение горячих лучей. Здесь же, в каменистой полупустыне святилища Каракыр³, нет ориентиров. Остаётся только гадать, всматриваясь в угольное оперение пролетающих птиц и пытаясь поймать на их крыльях отблеск долгожданного рассвета.

¹ Тәңір (каз.) – 1) тюркское мужское имя; 2) небо, Всевышний.

² Наурыз – праздник нового года у иранских и тюркских народов. Отмечается 22 марта, в день весеннего равноденствия.

³ Каракыр – ущелье и древнее сакское святилище в археологическом комплексе в Алматинской области.

Стало совсем светло, а солнце всё не появлялось. На миг подумалось – упустил! Оно встало где-то в другом месте или незаметно промелькнуло над горизонтом и сразу спряталось в услужливые облака. Я уже начал чувствовать, как в своём ожидании теряю ощущение времени и проваливаюсь в застывшую бесконечность, когда прямо напротив меня, за сотней холмов и десятком равнин, появился первый проблеск солнца. Свет хлынул из-за горизонта неудержимым потоком, не причиняя боли глазам, и стремительно начал расти, заполняя собой весь видимый мир. Сотканный из огня солнечный диск приподнялся над землёй. Клянусь, даже в самый жаркий летний день он не чувствуется таким горящим и раскалённым, как в рассвет Наурыза.

Я не мог отвести взгляд в восторженном преклонении. Я знал, что прикоснулся к Чуду. К древней, мощной, первобытной магии Матери-Земли.

Воздух над степью стал объёмным и душистым, наполнился радостным птичьим пением и почти осязаемой материей обновлённой жизни. Я понял, чего хочу. «Дай мне шанс вот так, покинув город, встречать тебя каждое утро! Позволь увидеть как можно больше земель, которые ты согреваешь, и узнать как можно больше людей, для которых ты светишь. Дай и мне принести им пользу», – прошептал я Солнцу, и его ласковые волны укрыли меня с головой.

Глава 2

Тілек

4

Схватка становилась всё жёстче. Кони тяжело дышали, приподнимались на задних ногах, толкаясь, пытались прикусить друг друга за гривы. Байдибек Палуан, молодой парень с неправдоподобно прямой спиной, зажав в зубах камчу, сосредоточенно и даже с каким-то равнодушием на лице методично раскачивал соперника, медленно, сантиметр за сантиметром отвоёвывая у того тушу чёрного козла. Вокруг толпились другие всадники, но, отеснённые корпусами специально обученных жеребцов, они никак не могли дотянуться до туши, хотя высоко привставали на стременах. Вся конная толпа вращалась, словно закручиваясь по спирали, и постепенно сдвигалась в сторону.

Сквозь топот и фыркание коней и редкие выкрики джигитов не было слышно щелчков затвора моего фотоаппарата, хотя «стрелять» приходилось большими сериями. В видоискателе мелькали спины всадников и конские головы, а в воздух то и дело взметались столбы пыли. Поймать удачный кадр в таких условиях – большое искусство. Некоторое преимущество мне давало возвышение, на котором я стоял: импровизированная деревянная трибуна сельского ипподрома. Но игроки смещались, и ракурс становился всё хуже. Замешкавшись, чтобы перебежать на другую сторону помоста, я упустил момент, когда Байдибек Палуан всё-таки выхватил тушу из рук другого батыра. Всё, что успел поймать объектив, – как он, окружённый клубами пыли, уносится на коне вдаль, оставляя соперников в опасной близости, но всё-таки позади себя.

За несколько лет работы спортивным фотографом снимать национальные игры мне посчастливилось впервые. Они оказались не спортом в привычном смысле этого слова, а целым ритуалом, и даже чередой ритуалов. Всё: от вечера перед состязанием и до последнего отзвука обязательного завершающего тоя – пропитано древним символизмом, который и во всём остальном, кажется, так крепко засел в крови казахского народа, что каждый ребёнок с молоком матери впитывает и таинства традиционных праздников, и строгие табу рабочих будней.

⁴ Тілек (каз.) – 1) казахское мужское имя; 2) желание, намерение.

Игра в рамках районного чемпионата по кокпару закончилась, но зрители не спешили расходиться. Я прикрыл глаза. Вокруг стоял оживлённый праздничный гул. Азартное возбуждение толпы сменилось тёплым дружеским и даже родственным добродушием. Я пытался ловить отдельные слова, но речь, звучащая со всех сторон, сливалась в единый поток. А те редкие фразы, которые и удавалось разобрать, мне, честно говоря, были почти не понятны.

Я вырос на границе с Казахстаном, в небольшом спокойном городке на юге России. Мои приёмные родители – русские, осевшие в городе незадолго до перестройки. Мама – учительница русского языка и литературы, папа – бывший инженер авиации, в девяностые переквалифицировавшийся в пекаря и работника завода. Женщина, родившая меня, была казашкой из Алма-Атинской области, волей судьбы оказавшейся в наших краях.

Родители дали мне свою фамилию и отчество, сохранив имя, данное биологической матерью. Тогда никто не предполагал, что смешение национальных признаков в имени, усиленное довольно неоднозначной внешностью, станет источником многих трудностей, а в норму начнёт входить только через пару десятков лет. В нашем городе было немало казахов, но я жил в «русском» дворе и в детстве толком не познакомился ни с казахскими обычаями, ни с речью.

До окончания университета я почти не интересовался родной культурой и даже не задумывался о необходимости изучить казахский язык. И только впервые приехав по делам в Алматы, вдохнув волнительный горный воздух, от которого защемило в сердце, вслушавшись в тогда ещё и здесь редкую казахскую речь, я понял, что обрести себя смогу только на земле предков.

Около двух лет ушло на подготовку и организацию переезда. Мои родители, как и всегда, проявив мужество и не свойственную подавляющему большинству пенсионеров гибкость сознания, довольно быстро согласились оставить сонный городок, чтобы поселиться в тихом районе Алматы у подножья Заилийского Алатау. Их накопления, продажа добротной советской квартиры и моя хорошо оплачиваемая работа в международной компании позволили облегчить процесс переезда и первые, самые трудные месяцы в новом городе.

Всего за несколько лет Казахстан стал мне настолько родным и привычным, что я уже не мог представить себе жизни вне его реалий, а годы, прошедшие за его пределами, казались мне призрачными и неосознанными.

Я пытался впитать все краски жизни казахского народа, наполниться тем духом, которого был лишён, проживая в других краях. Для этого я начал работать с десятком общественных организаций и комитетов, предлагая добровольную помощь на национальных праздниках, устраивая акции в поддержку народных ремёсел, участвуя в проектах сохранения казахских традиций. Я стал одержим желанием вернуть родной земле свой, теперь уже гражданский долг.

Много раз принимался изучать язык – но тот давался мне с огромным трудом, и в итоге, получив определённую базу, я решил постичь его натуральным образом: через общение, культуру и чтение книг. Особенно трепетные чувства у меня вызывали обычаи: тонкие правила гостеприимства и семейных взаимоотношений, празднование Наурыза – и тот самый, не поддающийся вербальному объяснению специфический характер народа, называемый менталитетом, который не замечен ни в чём конкретном, но проявляется во всём сразу...

Матч по кокпару проходил на базе отдыха восточнее Алматы. После него я, не заезжая домой, чтобы не терять времени в пробках, отправился на запад от города. Мой друг Айдос, днём работая водителем в банке, а по ночам таксуя на рабочем автомобиле, за несколько лет накопил нужную сумму, чтобы взять кредит, и купил землю в пригороде. По выходным он собирал знакомых помочь со строительством дома.

Моя машина была в ремонте, и, трясясь в забитой маршрутке, я размышлял о том, как много реальностей можно охватить за один день, живя в густонаселённом районе. Мегаполис с жёсткими требованиями и высокими стандартами; города-спутники, пустые и беззвучные днём, оживающие только с возвращением жителей с работы из большого города; далёкие

аулы, где течёт своя, параллельная современной, самобытная жизнь; сюрреалистичные дачные посёлки, наполовину пропитые и неухоженные, наполовину вычерченные идеальными контурами цветников и огородов; наконец, совсем дикие горные ущелья или необжитые каменистые полупустыни, в которых ощущение связи с социумом неизбежно сменяется осознанием безграничной мощи природы.

На даче работа шла полным ходом, и я тоже быстро включился в процесс. Коллективные усилия для блага одного человека или целой семьи, обозначающиеся в казахском языке одним ёмким словом «асар», – один из лучших реликтов, доставшихся нам от предков. Выживание в одиночестве невозможно не только в суровых условиях кочевого быта. На самом деле, даже пользуясь всеми преимуществами современной цивилизации, пытаться достойно существовать, не прибегая ни к чьей поддержке, по меньшей мере нерационально. Общество зачастую отнимает внутреннюю тишину и пытается навязать усреднённые стандарты, но этим же оно даёт нам бесценные уроки о самих себе и помогает устоять во время жизненных невзгод. Никакие материальные ресурсы не способны заменить это священное чувство плеча.

Я копал выгребную яму, таскал цементные блоки, пилил какие-то доски и всё это время краем глаза любовался людьми, окружавшими меня. Не сговариваясь и не подчиняясь какой-либо иерархичной системе, все упорно трудились, находя занятие по способностям. Женщины что-то нарезали и раскладывали на куске фанеры, лежащей поверх двух опрокинутых жестяных бочек и покрытой взявшейся откуда-то скатертью. Мужчины распределились по всему участку и иногда собирались в одной точке, чтобы обсудить возникающие по ходу строительства вопросы.

День клонился к вечеру, но, несмотря на усталость, а может быть и благодаря ей, все были в приподнятом, даже праздничном настроении. Будто где-то за чертой видимого мира, за гранью всех этих пыльных строительных трудов происходило необъяснимое священнодействие, которое сплотило незнакомых людей и позволило им на какое-то время наполниться светом, рождающимся во взаимодействии друг с другом.

Когда стало совсем темно и народ начал разъезжаться, на участок пришёл Казыбек, дядя Айдоса. Его ещё не достроенный дом находился по соседству. Казыбек недолюбливал меня с тех пор, как узнал о моём происхождении. Вот и теперь, демонстративно повернувшись ко мне спиной, он обратился к Айдосу, говоря только на казахском и иногда громко сплёвывая в сторону. Я подошёл ближе.

Как мне удалось понять, Казыбек просил Айдоса, чтобы тот забрал себе разные вещи (в том числе старые книги) какого-то родственника, который переезжал в Астану и не мог много с собой увезти. Когда в разговоре проскочило упоминание об «Абай жолы»⁵ на казахском языке, у меня загорелись глаза. Говорят, прочитать «Путь Абая» на казахском – это практически выучить язык. Честно говоря, никогда не доходили руки. Айдос заметил мою реакцию и кивнул: «Дам прочитать».

Казыбек с презрением посмотрел на меня:

– Тебе? На казахском?

– Ағай⁶, Тлек хочет выучить язык, он старается. И культуру казахскую изучает, на национальных праздниках бесплатно работает, чтобы больше увидеть. Пусть почитает «Абай жолы», я думаю, многое поймёт, а что не поймёт – будет повод узнать.

Айдос дружески похлопал меня по плечу.

– Поздно изучать уже. – Казалось, чтобы говорить со мной, Казыбеку приходилось делать над собой большие усилия, преодолевая отвращение. – Надо было оставаться с русскими, раз

⁵ «Абай жолы» («Путь Абая») – книга М. Ауэзова, повествующая о жизни великого казахского поэта и философа Абая Кунанбаева.

⁶ Ағай (каз.) – вежливое обращение к старшему мужчине.

тебя там родная мать бросила. Понесла от кого попало, вот и избавилась. Отец, может, вообще не казахом был. Ни матери своей не видел, ни рода своего не знаешь, ни кем твой дед был, сказать не можешь. Ты не казах, ұят, сен мәнгүртсін!⁷

Во мне что-то оборвалось, в ушах громко застучало. Хотелось драться. Бить. Сказанные Казыбеком слова жгли, как клеймо, оставленное раскалённым железом. Я посмотрел на Айдоса. Воспитанные люди слишком часто оказываются перед сложным выбором. Было видно, как обида за друга борется в нём с запретом перечить старшим.

– Сіз мәнгүрт болмағаныңыз қандай жақсы болды, аға⁸, – сказал я глухим голосом, пожал руку растерянному Айдосу и пошёл прочь.

Я шёл вдоль трассы в надежде поймать попутку в город. На душе были собаки, непроизвольно сжимались кулаки. Казыбек не был первым человеком с такой точкой зрения, и уж точно он не был последним. «Я никогда не буду здесь своим, – думал я, поднимая руку на свет фар проезжающих машин. – Даже когда начну говорить по-казахски, даже если изучу все традиции и буду знать историю своего народа лучше большинства его представителей. Они не примут меня, потому что я не знаю своего племени, потому что родился от неизвестной женщины на чужой земле. Я так и буду скитаться по городам, заглядывая на праздники и игры, прикасаясь к жизни, манящей и упорно отталкивающей меня. Буду знакомиться с людьми и становиться им другом, но никогда не смогу встать с ними в один ряд».

Я знал, что преувеличиваю и что таких, как Казыбек, гораздо меньше, чем остальных. Проблема заключалась в том, что я сам не мог принять себя, свою потерянную историю, и это внутреннее напряжение, создающее психологический и языковой барьер, мучало меня много лет. Случившееся дало мне повод в очередной раз расковырять старую болячку.

Остановившаяся машина прервала поток моих отчаянных мыслей. Я приоткрыл дверь.

– Қайда барасың? – наклоняясь, чтобы лучше меня разглядеть, спросил водитель.

Говорить по-казахски не хотелось. Я сглотнул подступившую горечь.

– Қалаға...

– Отыр, қалаға дейін жеткізіп салайын⁹, – улыбнулся водитель и приветливо хлопнул по сиденью.

Я сел и пригляделся. Это был мужчина лет пятидесяти с мягким открытым лицом и в белой тюбетейке. Я обратил внимание на его ладони: они держали руль твёрдо и уверенно, а на большом пальце правой руки не хватало фаланги.

– Сам из города?

Он перешёл на русский, и я выдохнул. Очень страшно было сказать по-казахски что-то не так, ошибиться и снова увидеть в глазах презрение и услышать в свой адрес унижительные слова.

Завязался самый обычный разговор, какие всегда случаются в продолжительных поездках. Водитель с интересом расспрашивал меня о моей жизни, часто одобрительно кивая и уточняя детали. С каждым километром на душе становилось всё светлее, и окружающий мир вновь окрашивался в оптимистичные краски. У меня создалось впечатление, что он старше, чем кажется. Такой спокойной мудростью обычно обладают только очень пожилые люди. Узнав, что я увлекаюсь казахской культурой и занимаюсь фотографией, он оживился. Оказалось, его близкий друг, археолог, реконструктор тюркского боя и боевых ритуалов, каждый год на Наурыз выезжает с командой за город и проводит там тренировки. Происходит это в древнем кочевом святилище Каракыр. Водитель посоветовал мне связаться с этим человеком, помочь хорошему

⁷ «Ты не казах, ұят, сен мәнгүртсін» (каз.) – «Стыдно, ты манкурт». Манкуртом иносказательно называют человека, забывшего свои корни, не знающего родного языка и не чтящего традиций своего народа.

⁸ «Сіз мәнгүрт болмағаныңыз қандай жақсы болды, аға» (каз.) – «Как хорошо, что Вы – не манкурт».

⁹ «Қайда барасың?» – «Қалаға». – «Отыр, қалаға дейін жеткізіп салайын» (каз.) – «Куда едешь?» – «В город». – «Садись, давай подвезу тебя до города».

делу качественным фоторепортажем и самому воспользоваться возможностью глубже познакомиться с тюркской культурой. Я с радостью согласился, хотя тогда и предположить не мог, сколько дверей откроется передо мной в результате этой поездки.

Спустя неделю после Наурыза благодаря моему репортажу о реконструкторах я получил уникальное предложение отправиться в Южный Казахстан на съёмку его природы, святых мест и культурных памятников и стал готовиться к экспедиции.

Глава 3

Қиял

10

Мне кажется, я всю жизнь ждал этого момента: когда аруахи¹¹ позволят мне пройти ритуал инициации. За девять ночей до весеннего равноденствия мне во сне явился Нускар-ата¹². Он расседлал моего коня и пальцем указал на дорожные сапоги. Когда я обулся, мы, повинаясь логике сна, перенеслись к подножью неприступных скал. Нускар-ата подвёл меня к небольшой расщелине, шириной на одного человека, ведущей меж камней, и кивнул головой. Я проснулся, лишь успев занести ногу для первого шага.

Посланный знак разгадать было нетрудно, и наутро я собрал мешок, чтобы пешим пуститься в путь. Каждый год в это время юноши нашего и других аулов отправляются в древнее святилище предков Каракыр в поисках благословения духов. Они идут группами и по одному, верхом и пешком, с запасами и без. Долгий путь не щадит молодых. До святилища доходят лишь те, кто сможет доказать Степи своё право на жизнь. Вместе с попутчиками, а ещё лучше – оседлав верного коня, двигаться гораздо легче. Но мне было дано ясное предзнаменование следовать одному, а наказ аруахов не принято нарушать.

К сумеркам первого дня я добрался до знакомых предгорий. Эти края никогда мне не нравились. Духи местности¹³ тут не любят путников и сводят их с ума. В ауле рассказывали, что в здешнем озере живёт злобная албасты¹⁴, которая одурманивает и привязывает к себе охотников. Да и сам я, проезжая тут в прошлом году, видел, как ближе к ночи на камни выползает всякая нечисть, чтобы безнаказанно бесноваться под покровом тьмы.

Перекусив тем, что удалось с собой взять, я разложил наскоро старенькую кошму и лёг. Надо мной раскинулось, как всегда глубокое и бескрайнее, звёздное небо степи.

– Уже утомился, Қиял-батыр? – раздался из сумрака скрипучий голос. – Недалеко же ты сможешь добраться, если сил у тебя, как у новорождённого верблюжонка! Может, повернёшь назад, пока не стал закуской обыру¹⁵?

На фоне ночного неба появился уродливый профиль демона, его голова неприятно покачивалась не в такт словам, и иногда вздрагивал кончик кривого носа.

– Проваливай, Шимурын¹⁶! Меня не сбить с пути твоими глупостями. – Я приподнялся на локте и положил ладонь на рукоять жеке ауыза¹⁷. – Как бы тебе самому не обнаружить свою плешивую голову в овраге отдельно от тела!

¹⁰ Қиял (каз.) – 1) казахское мужское имя; 2) фантазия, воображение.

¹¹ Аруахи – в тюркской мифологии духи умерших предков.

¹² Нұскар (каз.) – казахское мужское имя. Букв.: «Пусть будет умным советчиком».

¹³ Духи местности – согласно древним шаманским поверьям, у каждой местности – поля, леса, холма, реки и т. д. есть свой дух-хранитель.

¹⁴ Албасты – по казахским поверьям, злой демон, связанный с водной стихией.

¹⁵ Обыр – по казахским поверьям, злобный дух, высасывающий кровь у спящих людей и бродящий ночью по кладбищам. Душа злого человека становится обыром.

¹⁶ Шимурын – по казахским поверьям, демон, сбивающий с дороги путников.

¹⁷ Жеке ауыз – длинный казахский боевой нож с изогнутым клинком.

– Киял храбрится, потому что не знает, что готовят ему его любимые аруахи! – Шимурын стал приплясывать на месте, припевая: – Лучше батыру отказаться, пока не пришлось под землёй оказаться!

Я вскочил на ноги и попытался схватить беса, но тот резво отпрыгнул в сторону и унёсся вверх по склону, продолжая напевать. «К шайтану тебя», – прошипел я и вернулся на кошму.

Из темноты, оттуда, где скрылся Шимурын, на меня пристально смотрели три тусклых жёлтых глаза. Я узнал их: это был отвратительный демон, который давно меня преследовал. Он никогда не приближался, поэтому я не мог толком его рассмотреть или сразить, но он уже не раз мешал мне, разбивая знакомые тропы, заплетая ноги скачущему коню и отпугивая дичь во время охоты. Из-за него многие в ауле считали меня помеченным шайтаном и не хотели иметь общих дел. Я снова схватил клинок, и глаза потухли – демон исчез.

Достав из мешка верёвку из овечьей шерсти, сплетённую из двух толстых нитей: чёрной и белой, я выложил её вокруг своего места, чтобы нечисть не тревожила меня во время сна¹⁸. Силы в пути ещё понадобятся. Но мой сон всё равно не был спокойным. Нижние духи неистовствовали, стараясь до дна испытать одну из последних ночей тьмы. Приближаться ко мне они не осмеливались, но их лихорадочное веселье, развязный хохот и визги наполняли окрестные ущелья.

На рассвете, под нахмурившимся к утру небом, я собрал постель и отправился дальше. Я не ожидал лёгкой дороги. Мелкие демоны бессильны перед моим клинком, но они и не самая большая опасность в пути. Даже для тех, кто мирно живёт в своих аулах, дни перед тем, как Тенгри разделит поровну Свет и Тьму, часто оказываются тяжёлыми. А уж бросив вызов самому себе, повинувшись могучему Зову предков и следуя их тропой к древнему ущелью, нельзя не быть готовым к испытаниям. И то, какими они будут, предсказать невозможно.

Во мне что-то менялось. Не зря говорят, что инициация воина не происходит в один момент на вершине священного холма в рассвет весеннего мейрама¹⁹. Инициация – это сам путь к конечной точке, который порой начинается значительно раньше выхода из дома, может быть даже ещё в момент рождения. Да и в дороге заключается она не только в преодолении трудностей или стычках с враждебными духами, не в попытках выжить или добыть пропитание. Нечто во много раз большее, нечто, что не может быть описано, происходит в это время внутри.

Оставшись наедине со Степью, обнаруживаешь, как не только с мира вокруг, но и с тебя самого спадают все привычные маски. Тут не удержишься за браваду, которую так легко проявлять перед другими, не прокормишься хитрым языком, – и, без необходимости держать лицо в угоду обстоятельствам, внезапно осознаёшь свою истинную природу. И она оказывается незнакомой, отличной от той, которую чувствуешь, живя обычной жизнью. Здесь утрачивают ценность привычные ориентиры и теряют смысл беспокойные человеческие заботы.

Всё, что остаётся в душе, – только Вечное Синее Небо и родная Степь, раскинувшаяся под ним. Так и прошёл остаток пути: я погружался в бесконечный закольцованный мир, в котором Небо и Степь наполняли меня, и в то же время я сам находился в самом центре их соприкосновения. Наверное, поэтому холод, дождь, проделки демонов и подступавшая усталость казались чем-то далёким и незначительным. Вскоре я был в Каракыре.

В святилище ждали хранители. Они встречали всех пришедших юношей, беседовали с ними и отправляли в разные ответвления ущелья для прохождения ритуалов. Со всех сторон слышались голоса, ржание коней и выкрики тренирующихся воинов, виднелись обрядо-

¹⁸ Верёвка из овечьей шерсти – по-казахски «ала жіп», особая черно-белая веревка, по поверьям, отгоняющая злых духов, потому что те не могут через неё переступить. Считается также, что она защищает ночующих в степи от каракуртов, тарантулов, змей и скорпионов, поскольку те либо боятся запаха овечьей шерсти, либо путаются в мелких ворсинках и не могут через неё перейти.

¹⁹ Мейрам (каз.) – праздник. Слово «мейрам» в казахском языке связано с праздником весеннего равноденствия.

вые костры. Солнце клонилось к последнему зимнему закату. Между скалами промелькивали светлые фигуры изыхов²⁰. Местные семьи пришли к ним с дарами, чтобы поблагодарить за покровительство и помощь скоту в холодные месяцы.

Внезапно в синеватой тени выгоревших скал я разглядел лицо старца, пристально смотрящего на меня. Увидев, что я его заметил, тот приветственно наклонил голову и направился вверх по пригорку, иногда оборачиваясь, взглядом приглашая последовать за ним. Не желая сильно отстать, я поспешил к склону. Подъём на священные холмы Карақыра почти не требует усилий и даже наоборот – придаёт энергии, настолько сильна здешняя земля. Но я шёл осторожно и внимательно смотрел под ноги, чтобы не наступить на священные наскальные рисунки, которые уже начали вспыхивать к праздничной ночи золотыми нитями.

На небольшой вершине, с которой была видна оживлённая часть ущелья, старец остановился и ждал, глядя туда, где только что скрылось солнце.

Я подошёл ближе, заглянул в его лицо и замер, потому что узнал эти мудрые смеющиеся глаза, эту уверенную позу и исходящее им ощущение спокойной силы. Не мог не узнать, потому что сотни раз слышал о нём от матери и аксакалов и часто представлял себе эту встречу в мечтах. Но никогда до конца в неё не верил.

– Кыдыр-ата²¹... – оказывается, я забыл всё, что хотел у него спросить.

– Я познакомлю тебя со своим другом, – улыбнулся он.

От взгляда Кыдыр-ата моя душа наполнилась светлым спокойствием.

– Единственную инициацию, которая тебе нужна, может провести только он. Но для начала скажи мне: как далеко ты готов пойти на своём воинском пути? Желает ли снискать славу в удачных сражениях, чтобы после осесть в дикханском ауле и не знать более невзгод?

– Я не ведаю жизни вне дорог, – без раздумий ответил я. – Стоять на месте рождены лишь деревья, а кочевник подобен ветру – если он не движется, значит, мёртв. Я не ищу ни славы, ни покоя, разве что Вечное Небо решит меня ими наградить. Всё, к чему я стремлюсь на своём пути, – служить воле Тенгри и быть опорой своему народу. И так будет, пока я жив.

Кыдыр-ата закивал. Он был доволен моим ответом.

– Я так и знал, – сказал он и взглядом указал на восток: – Иди.

Прямо передо мной на прохладной земле, просыпающейся после зимы, стала ясно различима тропа, ведущая меж черных камней святилища, мимо родника Умай, вдоль пастбищ и выше, к высоким восточным хребтам. Я обернулся, но старец уже исчез.

Тропинка вскоре привела меня к скальной вершине и пропала. Какое-то время буйствовал ветер, он свистел в ушах и морозил пальцы, но потом успокоился, и тогда навалилась оглушительная тишина. Я смотрел на звёзды. Как всегда, зорким хранителем надо мной висел небесный таутеке – знакомое каждому кочевнику с детства созвездие Жеті Қарақшы²². Луны не было, и я был этому рад, потому что хотел любоваться звёздами, но не хотел, чтобы лунная старуха считала мои ресницы²³.

Когда небо на востоке начало светлеть, я ощутил чьё-то присутствие. Рядом со мной приземлился филин и тут же обернулся человеком. Это был юноша с очень необычной внешностью. Волосы на его голове были сияющими, как солнце, с правой стороны и чёрными, как ночной мрак, с левой. Правый глаз был пронзительно голубым, как утреннее небо, левый –

²⁰ Изыхи – по казахским поверьям, добрые духи, живущие в горах среди высоких скал, покровители скота, плодородия и охотников.

²¹ Кыдыр-ата (Қызыр-ата, Хызр) – мифический персонаж, святой старец, возвещающий приход Наурыз. Согласно поверью, его можно встретить три раза в жизни в любом облике. Считается, что у него отсутствует фаланга большого пальца, поэтому верующие, мечтающие его встретить, особое внимание обращают на руки случайно встреченных путников.

²² Жеті Қарақшы (каз.) – созвездие Большая Медведица.

²³ «Смотреть на звёзды, не боясь, что старуха считает ресницы» – по казахскому поверью, на Луне живет старуха, которая считает ресницы тех, кто долго смотрит на небо. Человек с посчитанными ресницами умирает.

угольным, как предрассветная тьма. В его движениях была грация небесного ветра, во взгляде – внимательность хищной птицы.

– Я Йол-Тенгри²⁴, – сказал юноша, – Хранитель Путей. И я пришёл, чтобы направить тебя.

События и осознания последних дней, встреча с Кыдыр-ата и эта тропинка, приведшая меня к божеству, начали складываться в единую картину, но мне никак не удавалось увидеть её целиком.

– Я благодарен тебе, но мне трудно понять, чем я заслужил этот дар и какими немислимыми подвигами буду должен за него расплатиться.

Йол-Тенгри посмотрел мне в глаза и, отвечая, не отводил взгляд, чтобы убедиться, что я его понимаю.

– Не все подвиги заканчиваются победой над чудовищами, и не все Пути лежат по гребню славы. Но каждый из них одинаково важен в процессе постоянного божественного творения мира. Истинный воин должен уметь различать свою тропу, не гонясь за призраками чужих достижений.

Его голос одновременно звучал вне и внутри меня.

– Каждое мгновение сквозь тебя проходит бесчисленное множество путей. Чтобы узнать свой, нужно суметь самому им стать.

Первый солнечный луч блеснул у горизонта, и золотые волосы Йол-Тенгри запылали огнём.

– Ты был прав в своих размышлениях, – Хранитель Путей сделал шаг на восток, к обрыву. – Ценность не в пребывании на вершине, а в самом движении вверх по склону. Любая намеченная цель – лишь светлый ориентир во тьме, помогающий выполнять наше главное предназначение – неустанно следовать вперёд. Ты сказал, что хочешь служить Тенгри, и я открываю тебе этот Путь. Следуй на юг, там тебя ждёт богиня Умай, Мать-Земля. Тебе необходимо принять знание, которое она хранит.

Солнце уже оторвалось от горизонта, и я всё не мог понять, как пронеслось это время. Сделав шаг в пропасть, Йол-Тенгри обернулся соколом и, рухнув с обрыва, взмыл в лазурное небо.

Глава 4 Тілек

Собираясь в экспедицию, я внимательно изучил информацию обо всех святых местах Южного Казахстана, которые мне предстояло посетить. Я никогда не был особо религиозным человеком, но посмотреть на знаменитые суффистские святыни было очень интересно. Чтобы ненароком не оскорбить чувства верующих в мечетях и мавзолеях, я зазубрил и как скороговорку повторял себе в самолёте, летящем в Шымкент: «Сначала омовение, заходить босиком, только с правой ноги, выходить вперёд спиной, только с левой, не наступать на порог». Меня переполняло волнение.

Шымкент оказался шумным и многолюдным городом с таким множеством кафе, столовых, пиццерий, ресторанчиков, закусочных и других заведений общепита, что казалось, его гости и жители только и делают, что едят. Узнать город ближе времени не было. Я взял в аренду машину, оплаченную заказчиком, и отправился в село Сайрам²⁵, на съёмки мавзолеев родите-

²⁴ Йол-Тенгри – божество Путей в тенгрианской мифологии. В облике Ала Йол-Тенгри – сын рассвета, дарующий жизненную силу и счастье; в облике Кара Йол-Тенгри – сын ночи, поправляющий нарушенное, утверждающий правду и наказывающий ложь.

²⁵ Сайрам – село в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области Казахстана. Ряд исследователей считают, что городище на территории современного Сайрама соответствует древнему крупному торговому городу Испиджаб («город на белой

лей Кожамета Яссауи: Ибрагим-ата и Карашаш-ана. Посетителей там почти не было, и я очень быстро закончил свою работу, попутно отсняв живописный сайрамский рынок.

В запасе была пара дней на Сайрам-Угамский природный парк, и я попытался за короткий срок получить о нём максимальное представление. Увидеть удалось немного – в основном пышно цветущие сады и склоны. Говорят, вдоль здешних речек растёт самая крупная и вкусная боярка во всём Казахстане. Я решил, что надо будет обязательно приехать осенью и попробовать её.

На крутых склонах ущелий небольшими табунами паслись кони, рядом с ними грели на солнце свои тощие тела охотничьи собаки тазы, вряд ли служащие пастушьям нуждам, но часто встречающиеся на юге Казахстана.

Путь к верхушкам гор преграждали неподступные осыпающиеся скалы, в которых зияли тёмные провалы пещер. Из-за абсолютно прозрачного весеннего воздуха всё казалось очень близким, однако на подъём к подножью одной из таких скалистых вершин у меня ушло полдня.

Настало время возвращаться в Шымкент, чтобы из него выдвинуться дальше, в сторону Туркестана, и уже на следующий день я гулял по реконструированным улицам древнего Отрара. Слушая рассказ гида о кровавой истории города, я пытался представить, как больше восьмисот лет назад здесь бурлила жизнь. Экскурсовод рассказывал, что это был город научной, культурной и ремесленной элиты. Я думал о волшебных вечерах с восточной музыкой и зажжёнными факелами, о ярких шумных базарах и знаменитых оттарских банях. О том, как сюда со всех сторон съезжались караваны Великого Шёлкового пути... Как, несколько месяцев защищая свой дом от монгольских войск, горожане не предполагали, что все до единого сгинут – кто под клинком, кто в пожаре, кто в рабстве – и всё из-за слабости одного-единственного предателя. И о том, что даже после полного разрушения Отрар восстановился, чтобы, однако, быть снова втоптаным в землю, на этот раз джунгарами.

Из Отрара мой путь лежал в мавзолей Арыстанбаба – учителя Кожамета Яссауи. Мавзолей оказался приятным на вид небольшим простым глиняным сооружением, с красивыми башенками-минаретами и очень приветливым ширакши²⁶ в нарядном зелёном кафтане и расшитой арабским узором белой тюбетейке. Неподалёку виднелась сияющая современная мечеть, и, казалось, её от Арыстанбаба отделяют не столько строгие чёрные прутья забора, сколько целый пласт времени и культуры.

Перед мавзолеем под отдельным куполом стоял колодец с очень неприятной на вкус горько-солёной водой. Колодцы у мечетей и мавзолеев считаются священными, и этот тоже собрал вокруг себя паломников. Из толпы вдруг послышались резкие звуки, похожие на крики дикого животного. Присмотревшись, я понял, что их издаёт женщина, скрючившаяся в тени купола. Молодой мужчина рядом с ней насильно вливал в содрогающееся горло колодезную воду, ловя паузы между приступами. Собравшиеся зеваки перешептывались. Кто-то достал телефон и попытался снимать, но сразу же, словно из-под земли, появился ширакши, видимо, уже обладающий чутьём к таким ситуациям. Он отвёл горе-корреспондента в сторону и долго с ним о чём-то беседовал. Было видно, что слушавшему его парню с телефоном становится стыдно, тот несколько раз извинился и, не оглядываясь, отправился к выходу.

– Говорят, она одержима шайтаном, – раздался у меня за плечом тихий голос экскурсовода. – Каждую неделю её здесь вижу.

Следующим пунктом на моём пути был Туркестан, город, чья жизнь полностью подчинена нуждам паломников. Меня же интересовал главный здешний объект – мавзолей Кожамета Яссауи.

реке»).

²⁶ Ширакши – смотритель.

Я был поражён размахом комплекса, включающего в себя большую площадь, реконструированную древнюю улицу, несколько построек и центральное здание с расписанными геометрическими узорами стенами и высокими зарешёченными окнами. Своей нарядностью он словно спорил со сдержанным аскетизмом мавзолея учителя.

Поначалу я даже не мог понять, куда идти и где именно находится святыня, и двигался вместе с толпой, которая, казалось, тоже не знала, куда её несёт. Знаменитый тайказан²⁷ в центре первого зала мавзолея был окружён строительными лесами, в поисках других достопримечательностей я постоянно упирался в закрытые решётки и терминалы оплаты, предназначенные не то для пожертвований, не то для пополнения баланса на телефоне. Но потом различил в разношёрстной шумящей толпе экскурсионную группу и тихонько присоединился к ней. Так мне удалось увидеть больше: подвалы со стенами из чёрного камня, расписанные золотой вязью девяноста девяти имён Аллаха, надгробия разных духовных наставников и реконструкцию подземной кельи.

А вот ощутить прикосновение к чему-то сакральному не получалось. Слишком уж как-то суетно всё было. Покидая здание, я уже чувствовал подступающее разочарование, когда мне на глаза попалась многодетная казахская семья. Отец нёс на руках двухлетнюю дочку, мать – ребёнка помладше, а двое старших следовали рядом. В глазах детей читались восторг и благоговение. Они не боялись шума и многолюдности, не капризничали и не пытались убежать. Дети были всецело захвачены энергией этого места. Энергией, которой я не мог проникнуться, поддавшись давлению внешней суеты. Я остановился, попробовав взглянуть на святыню так, как на неё смотрят маленькие дети, и понял, какой волшебной сказкой она отзывается в их чистых душах. Вряд ли годы смогут смыть такое яркое впечатление. В нужный момент оно обязательно отзовётся в их жизнях ощущением чего-то высшего и светлого и, возможно, уберёжёт от многих бед. Я улыбнулся и отправился к стоянке.

К вечеру, следуя съёмочному плану, я добрался в предгорья, к мавзолею Укаш-ата²⁸. Признаться честно, это место меня немного напугало. У входа на территорию, плохо различимые в вечерних сумерках, толпились ожидающие. Над порогом сторожки раскачивалась на ветру тусклая зарешечённая лампочка. Когда предыдущие посетители наконец вышли, появился суровый смотритель. Он долго объяснял правила поведения на территории святыни и только потом завёл всех вовнутрь. Помещение мавзолея было еле освещено, но отчётливо виднелось неестественно длинное надгробие. Ширакши начал по-казахски рассказывать об Укаше, но, увидев, что я не всё понимаю, с согласия остальных паломников перешёл на русский. Мне стало стыдно. Почти всю группу составляла большая сельская семья, одетая в традиционную мусульманскую одежду. Смотритель пропел молитвы и пригласил всех прогуляться по территории, а после испытать себя у священного колодца, где, по преданию, воду может зачерпнуть только чистый помыслами человек.

Мне было крайне неудобно из-за того, что я был вынужден прилюдно участвовать в таком личном обряде, к тому же стало казаться, что все осуждают меня за городскую одежду и незнание родного языка. Хотелось как-то оправдаться, а лучше – просто поскорее всё это закончить.

Мы поднялись на холм, где стоял колодец. Жар весеннего дня сменился пронизывающей горной прохладой. Заглись звёзды. Паломники, сначала мужчины, по очереди тянули ведро, произнося молитвы и сосредоточенно вглядываясь в темноту. Ведро каждый раз поднималось пустым. У меня в голове стоял какой-то шум. Казалось, только вытащив воду, я смогу отвоевать уважение этих людей, а если не вытащу – ещё больше себя опозорю. Я чувствовал себя очень одиноко. Настал мой черёд. По совету смотрителя колодца я произнёс про себя какое-то общее

²⁷ Тайказан – большой ритуальный котёл, священная реликвия мавзолея Кожаммета Яссауи.

²⁸ Укаш-ата – отважный воин, телохранитель Пророка Мухаммеда. В его мавзолее в Туркестане находится колодец, воду из которого, по поверью, могут набрать только люди с чистыми помыслами.

пожелание добра всем людям и отпустил ведро в чёрную бездну. Внизу загрохотало. По кивку я потянул верёвку вверх. Она шла туго, будто что-то за неё зацепилось. Поднявшееся ведро было совершенно пустым. Смотритель неодобрительно покачал головой: «Да что же вы все» – и жестом показал очереди двигаться дальше. Ведро следующего паломника вернулось на треть наполненным.

Упрямо не желая поддаваться подступившему унынию, я решил воспользоваться возможностью и переночевать на свежем воздухе, на специальной деревянной площадке напротив дома работников мавзолея, а утром, оставив небольшое пожертвование, отправился дальше.

Южный Казахстан представлялся мне отдельным миром, живущим по собственным правилам. Паломнические аттракционы, в которых определяется степень духовной чистоты, напоминали мне египетский суд Осириса, когда человеческая душа, помещённая после смерти на одну чашу весов, не должна оказаться тяжелее пера истины, лежащего на другой чаше. Интересно и на первый взгляд легко, да и вроде бы просто развлечение, но как ни относиться к самому процессу, а результат всё равно важен. И ведь правда: когда пузатый добродушный турист спокойно проскальзывает в длинную узкую щель между двумя скалами, а худенькая девчушка, идущая следом, застревает на втором шаге, даже логика оказывается загнанной в тупик.

За пару последующих дней я посетил и отснял целый ряд похожих друг на друга, но всё-таки очень разных предгорий на пути к Таразу. В основном это были низкие круглые холмики, но иногда их мягкие зеленеющие скаты обнажались острозубыми скальными выходами.

Особенно мне запомнилась пещера Акмешіт әулие²⁹, такая огромная, что в ней росла целая роща и стоял пронзительный птичий гомон. Вторым удивительным местом стал мавзолей Домалак-ана, самой знаменитой жены Байдибека³⁰, по преданию, ставшей матерью родоначальникам племён албан, дулат и суан. У белоснежных стен царили такие покой и благость, что хотелось просто сесть рядом и наслаждаться нахлынувшими чувствами. Мавзолей самого Байдибек-ата мне найти не удалось, и я сразу отправился в одно из живописных ущелий южной части Каратау.

Глава 5

Қиял

Я шёл на юг уже почти целую луну, пешком, снова решив не лишать домашнее хозяйство коня. С каждым днём будто становилось светлее. Тёмные духи боялись подниматься на поверхность или вовсе держались подальше от здешних мест: на юге наших просторов, как и на дальнем их западе, лежат святые земли.

На пути мне встречалось множество городов, и чем дальше я шёл, тем они становились оживлённее, а края вокруг – живописнее. Весна здесь уже давно набрала силу: огромные цветущие сады издалека были похожи на аулы с невиданными бело-розовыми шатрами, раскинутыми на изумрудных коврах.

В особенно тёплый день я проходил через небывало красивый город на белой реке. Он был скроен из больших людных ярмарок и ремесленных домов, в которых шли шумные торги. Решив остановиться на ночёвку, я уже подыскивал гостевой дом, когда услышал оклик с одного из дворов.

Подойдя ближе, я увидел пожилого статного мужчину со светлым взором. Он спросил, кто я и куда следуя, и, выслушав ответ, пригласил продолжить беседу в доме, чтобы после

²⁹ Акмешіт әулие (Ак-Мечеть, Святая Белая мечеть) – пещера в Алгабасском районе Южно-Казахстанской области. Согласно легенде, целые аулы прятались в ней во время нашествий джунгар.

³⁰ Байдибек Карашаулы (приблизительно XI–XII века) – мудрый полководец, глава обширного края, крупная историческая личность. Младшая жена Байдибека Нуралы, которой народ дал имя Домалак-ене, почитается как святая.

заночевать. Пройдя через большой ухоженный сад, мы поднялись на крыльцо. Открывшийся дом выглядел очень богатым – хозяин оказался известным землепашцем.

В прохладных комнатах, куда мы вошли, пол был расчерчен изящным узором солнечного света, проникающего через резные деревянные решётки окон. Хозяин усадил меня на маленькую скамью перед таким же невысоким столиком и сам сел напротив, заведя беседу об удивительных краях, в которых расположился город. Вскоре в комнату вошла его жена. Несмотря на возраст, у неё были угольно-чёрные волосы, черты лица отличались мягкостью, а движения – плавностью. Женщина принесла чай и, с приглашения мужа, тихонько присела у стола.

Беседа лилась легко и спокойно. Как выяснилось, владельцы дома были учёными и воспитанными людьми, известными во всём городе благодаря своему дару: он – сильный провидец, а она – целительница и толковательница видений. Их способности достались и сыну, знаменитому учителю, который, по рассказу хозяев, жил в другом поселении в нескольких днях пути, где исцелял людей и наставлял их на праведный путь. Женщина пожаловалась, что они с супругом не могут оставить землю и жителей, которым помогают, поэтому всё никак не свидятся с сыном, который тоже привязан к своим ученикам. Оказалось, что город, в котором он живёт, находится на моём пути, и мы сговорились, что я передам ему весточку. Побеседовав ещё немного, мы разошлись спать.

Наутро хозяин подвёл ко мне жеребца и попросил принять того в дар, чтобы я мог продолжить свой путь верхом. Я сердечно поблагодарил его, мы попрощались, и я двинулся дальше.

Города становились всё удивительнее и встречались всё чаще, уже практически следуя друг за другом. Жизнь в них была мирной и благодатной. Казалось, аруахи здесь никогда не покидают мира людей.

Когда-то эта земля знала много крови и страданий, но однажды Небо благословило её на покой, и со временем она переродилась. Повсюду встречались светлые духи, видимые как наяву, так и во сне. На очередной ночёвке мне явился один такой в образе льва. Он был окружён золотым сиянием и звал последовать за ним. Мы оказались в красиво убранном помещении, где сидел человек, – как я понял, тот, к которому я обещал заехать с весточкой от родителей. Человек писал большую книгу, но строки тут же исчезали, укрытые шелухой каких-то семян. Видение закончилось. Было件нятно, что дух хочет что-то через меня передать, и весь следующий день я провёл, ломая голову над разгадкой.

В небольшом ауле, где я остановился напоить коня, я долго наблюдал за тем, как отец успокаивает маленькую дочку, которую ущипнул пасущийся рядом гусь. Девчушка громко плакала, скорее от обиды, чем от боли. Отец её утешал, не понимая, что от этого дочка только сильнее себя жалеет и всё больше расплывается от собственных слёз.

Это заставило меня задуматься о моём детстве. В нашем ауле у старших всегда было столько забот, что о маленьких царапинах и случайных слезах никто и не пёлся. Если, увлечшись детскими играми, мы убегали далеко от дома, то на обед заглядывали в ближайшую юрту, где всегда получали по пиалушке горячей сорпы и по пригоршне мелких баурсаков. А если случалось встретить у очага аксакала, то к еде добавлялись интересная история или мудрый совет, а иногда и подзатыльник, особенно когда не вытерпишь и, выбивая брызги, начнёшь дуть на горячий бульон, чтоб тот скорее остыл.

Наконец я оказался в нужном городе. Справившись, где найти главного мудреца и целителя, я обнаружил, что течение улиц, заполненных яркой толпой, уже и так ведёт к этому месту.

Добравшись до огромной площади с большим дворцом посередине, я начал понимать, что имел в виду дух-лев. Не было видно свободного клочка земли – всё пространство заполняли зеваки. Не только в поисках знания стягивались сюда люди: многие собрались просто из любопытства и потому, бездумно толкаясь, глазели по сторонам. Учитель, к которому они пришли, сам с трудом пробирался через толпу, по всей видимости останавливаясь и заговори-

вая только с теми, кто на самом деле жаждал просветления. Поймав мой взгляд, он улыбнулся, и я двинулся ему навстречу.

Когда мы оказались рядом, я рассказал ему о беседе с его родителями, затем высказал уважение к его труду и осторожно упомянул о видении прошлой ночи.

– Если я верно понял послание, – сказал я, – дух хотел сказать тебе, что знание нести лучше всего в простоте.

Мудрец на миг задумался.

– Это был дух моего учителя. Ему всегда удавалось делиться знаниями, не создавая лишней суеты. Свой дом для приёма людей я построил только после того, как он сам однажды перестал скитаться и поселился в простой хижине в одном дне пути отсюда. – Он снова улыбнулся: – Да, я вижу, что не все, приходящие ко мне, готовы открывать своё сердце и постигать мудрость. Многих ведёт праздный интерес или желание не отставать от других. Но разве не любопытство зачастую становится первым шагом на пути познания истины?

Учитель окинул взором площадь:

– Я сам не люблю пышных дворцов, наполненных золотом и дарами. Всё это принесли и сделали люди, потому что им кажется, будто мудрость легче принять, когда её можно потрогать. Они думают, что знания в книге с красивой обложкой стоят дороже истины, которую Всевышний безмолвно являет нам каждый день. Но я утешаю себя лишь тем, что через все эти предметы они начинают свой путь к познанию.

Он собрался идти дальше, видимо, заметив в толпе кого-то, с кем хотел побеседовать.

– Я не один наставляю людей в этом городе. Каждый из нас обладает совершенно разными знаниями и может чему-то научить. Но твой путь больше не лежит через города. Я вижу, как дорога ведёт тебя к южному склону чёрных гор. Доброго пути!

В последний раз одарив меня своей согревающей улыбкой, он повернулся и растворился в толпе.

Я тоже понимал, что пора выбираться из города. Я чувствовал то, о чём говорил Йол-Тенгри: сквозь меня будто пролегал путь, ещё не до конца мне понятный, но очень явный. Эти новые и незнакомые ощущения заставляли направлять взгляд вовнутрь и искать понимания явлений в их корнях. Тесные же улицы и вечерние огни мешали сосредоточиться.

На выезде из города мне встретилась группа паломников, которые следовали за благословением к великаньему колодцу. Я решил отправиться с ними.

Мы прибыли к месту на закате и сразу же поднялись на вершину холма, туда, где стоял священный колодец. Ожидая своей очереди, я слушал истории о том, почему это ущелье называется Великаньим. С незапамятных времён здесь стоит огромный дом. Неподальёку от него лежит камень со следом, похожим на след огромного верблюжьего копыта. Никто никогда не видел хозяина жилища и не решался нарушить его покой.

Со временем это место обросло множеством слухов о том, что здесь живёт древний воин-великан, присматривающий за священным колодцем, и том, что внутри его каменного дома есть гигантская пещера, ведущая на другую сторону земли. Я не знал, чему здесь следует верить. Огромные кони и верблюды есть у многих могучих батыров, но настоящих великанов на земле не видели уже сотни лет. Прислушавшись к своим ощущениям, я решил, что это действительно сильное место. Колодец источал белое сияние, которое с наступлением темноты становилось всё чётче, а на пригорках не было видно ни светлых, ни тёмных духов.

Внезапно в сгущающемся мраке неглубокого ущелья я увидел знакомое тусклое свечение жёлтых глаз. Мой проклятый демон стоял у подножия холма и пристально наблюдал за тем, как я, дождавшись своего черёда, бросил ведро в светлую дымку колодца. В ответ послышались глухие стуки и их эхо: падая, ведро ударялось о каменные стены, и те многократно отражали звук. Верёвка натянулась. Под прожигающим взглядом демона я вытащил полное ведро мер-

цающей жидкости. Дух источника благословил меня на путь. Демон в ярости взвыл, напугав паломников, и исчез.

Заночевав тут же, под открытым небом, наутро я отправился вдоль хребта чёрных гор в обратном направлении – к месту, указанному просветлённым учителем.

Иногда мне попадались странники, вышедшие в путь, чтобы найти поддержку аруахов или получить ответы на терзающие их вопросы. Духи встречали их и каждому помогали: кому добрым советом, а кому суровыми наставлениями или грозными речами.

Через два дня пути мимо небольших зелёных холмов и огромных скалистых пещер, следуя порой дорогами, порой крутыми козьими тропами, перейдя вброд десятков речек, я наконец вышел в нужную долину.

Глава 6

Тәңір

Я совершенно убеждён, что превыше счастья жить на родной земле есть только счастье по ней путешествовать. Весь мир учит нас движению: от бесконечно преобразующегося космоса до неустанно пробивающегося к свету ростка. И небо, и земля находятся в непрерывном обновлении, так с чего бы человеку, живущему между ними, стоять на месте?

Я вдыхал сырой весенний воздух. Широкое ущелье было наполнено мелодичным журчанием. Суровые ледники ещё крепко держались своими мерцающими телами за скалы, но зимние снега уже сдались подступающему теплу: со всех склонов стекала талая вода. Весёлые ручейки скакали по каменным руслам, и мне было почти слышно, как где-то в долине они сливаются в единый поток бегущих куда-то больших рек.

Не скрывая своего счастья, шумные воробьи носились между верхушками просыпающегося боярышника, а над ними по невероятно синему небу ветер гнал послушные облака, похожие на полупрозрачные клубы хрустального дыма, выпущенного трубой какого-то волшебного паровоза.

Весна ощущалась во всём. Такое далёкое зимой, небо казалось теперь не выше чернеющих тополиных макушек. Ещё недавно скованная морозами земля сейчас мягко пружинила под ногами. Совсем по-другому преломлялся ласковый солнечный свет. Совершенно иначе билось ликующее сердце.

Я, может быть, не так много понял в этой жизни, но одно знаю точно: сколько ни жди лучших времён, а меняться всё начнёт не раньше, чем сделаешь первый шаг. И лучше всего, если он будет шагом за порог твоего дома. Как и каждой весной, я чувствовал, что теперь всё будет по-другому. Но на этот раз мой мир действительно менялся.

Невозможно объять трёхмерным сознанием те процессы, что запускаются в пространстве, когда ты отправляешься в дорогу. На малейший внутренний импульс тотчас откликается Вселенная и разворачивается, являя порой невероятные чудеса. Такие моменты известны каждому путешественнику: когда, повинувшись необъяснимым законам дороги, события складываются в идеальную мозаику, в ту единственную из миллиардов возможных комбинацию, которая подведёт к важнейшей поворотной точке, новому этапу или нужному осознанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.